

Ночной ветер, мягкий доселе, внезапно сделался резким, словно лезвие.

В воздухе раздался протяжный свист стрел, и черные тени, вырвавшись из сизой мглы, в мгновение ока окружили Чуныцзина.

Чуныцзин бегло оглядел толпу и слегка приподнял бровь. Одежда этих людей выглядела крайне небрежно, зато оружие в их руках поблескивало в лунном свете холодным серебром, источая смрад крови и могильный холод. Их лица и тела были исполосованы шрамами; у некоторых на щеках они выглядели особенно жутко, словно по коже ползла многоножка.

Пока Чуныцзин изучал нападавших, те отвечали ему тем же. Здоровяк с густой бородой и волосами, похожими на свалявшееся сено, покосился на стоявшего рядом коротышку, чьи глаза скрывал глубокий капюшон.

— Байба, это о нем ты говорил?

Коротышка поднял голову, взглянул на Чуныцзина и прищурился. Его лицо было сплошь покрыто шрамами разного размера, а на шее, прямо над артерией, виднелась свежая рана, перевязанная марлей, сквозь которую сочилась кровь.

Он уставился на Чуныцзина с хищной жадью убийства в глазах и прохрипел:

— Белая лошадь, синие одежды — это он!

Главарь помолчал, разглядывая Чуныцзина, глубоко вдохнул и произнес низким голосом:

— Мы грабим, а не убиваем. Отдавай ценности, и я, Ушоу, пощажу твою жалкую жизнь.

Чуныцзин уставился на шрам на лице Ушоу — глубокий, до самой кости, тянущийся от переносицы до подбородка. Он склонил голову набок, с улыбкой вздохнул и ответил:

— Всем известно, что в Городе Юйи без денег и шагу не ступить.

Справа от Ушоу раздался скрипучий, похожий на скрежет ногтей по стеклу смех. Это был горбун, чья спина напоминала перевернутый котел. Чтобы посмотреть на Чуныцзина, ему приходилось вытягивать шею, точно черепахе. Рук у него не было: конечности заканчивались прямо у локтей, превратившись в уродливые культи, похожие на тяжелые колотушки.

— Можешь поискать счастья в другом месте, — проскрипел горбун. — Раса волков владеет не только Городом Юйи. Не отдашь добро — здесь будет твоя могила, твой час настал!

— Но я, знаете ли, с рождения люблю комфорт, — ответил Чуныцзин, переводя взгляд на горбуна.

Он округлил глаза, подался вперед, опираясь на спину Хундоу, и принялся разглядывать мощные ноги калеки.

— Ты тоже из расы волков? Но если у тебя всего две ноги, как же ты бегаешь? Если удовлетворишь мое любопытство... — он выудил из-за пазухи кошель и потряс им, — всё это отдам тебе.

Не успел он закончить, как горбун рванулся в атаку. Его мощные ноги сработали, словно пружины: подбросив тело в воздух, он спикировал на Чуныцзина с высоты десяти метров. Его глаза горели багровым холодом, а культи-колотушки рассекали воздух, словно клинки.

Чуныцзин замер, будто окаменев от страха, задрал голову и не пытаясь уклониться.

Сквозь рассекаемые потоки воздуха горбун увидел бледное лицо юноши и его взгляд, полный беспомощного ужаса. На губах нападавшего заиграла кровожадная усмешка: еще никто не выживал после того, как осмелился его оскорбить.

Чуныцзин посмотрел на горбуна и вдруг улыбнулся. Он достал из-за пазухи плоскую флягу и белую фарфоровую чашу. Аромат вина мгновенно разлился вокруг, а звонкое журчание льющейся жидкости заглушило свист ветра.

— Горбун! — внезапно выкрикнул Ушоу, расширив глаза.

Но его голос утонул в журчании вина. Если бы кто-то прислушался, он бы понял, что этот звук подобен раскатам грома, внезапно разразившимся на краю небосвода.

Раздался всплеск. Меньше чем в метре над головой Чуныцзина культи горбуна ударили в воду. Брызги разлетелись в стороны, и с глухим стуком калека отлетел на десяток метров. Его руки были в крови, дыхание стало прерывистым.

В чаше снова воцарилась тишина, ни одна рябь не потревожила поверхность. В слабом лунном свете в вине медленно растворялась капля красного — некогда прозрачный напиток превратился в чашу крови.

Чуныцзин опустил взгляд на чашу и с сожалением вздохнул:

— Вино из Дома Нефритовой Росы и Весеннего Ветра — чаша стоит золотой жемчужины.

Он перевернул чашу, выплескивая содержимое. Мелкая сошка, окружившая его, и так была

напугана видом поверженного горбуна, а теперь, увидев летящее вино, люди в панике попятились, словно в чаше был яд.

Байба бросил взгляд на горбуна, которого подхватили под руки товарищи. Его глаза налились кровью, марля на шее полностью пропиталась алым. Он обнажил скрытые в рукавах когти и взревел:

— Взять его!

Люди, еще секунду назад дрожавшие от страха, внезапно застыли. Их губы оскалились, а с клыков закапала густая слюна.

Чуныцзин с любопытством захлопал ресницами, потер нос и с усмешкой произнес:

— Мой учитель говорил, что не стыдно спрашивать о том, чего не знаешь. Я вот спросил, а вы... почему вы такие?

Не успел он договорить, как нападавшие сбросили человеческие маски, превратившись в разъяренных зверей, и с рычанием бросились на него.

<http://bllate.org/book/19782/1949313>